

Памяти тёти Груни

От крошечной тоски,
между небом осьмым и девятым,
баба Груня носки
полосатые вяжет робятам.

Не своим, а чужим,
коль своими судьба обделила.
Нитка жизни спешит,
что давно померла, позабыла.

Месяц, будто январь,
воскресение дня выходного.
В печке, в вольной, стоят
караваи большие ржаного.

Свет от утречка свят
сквозь герань пробивается резкий.
На окошках хрустят,
инда снег по зиме, занавески.

Из деревни, из всей.
На показ ришелье вырезное.
В Елизарово ей.
Припасла накануне сувой*.

Только хлебу остыть.
А кукушка молчит. Эка жалость.
Видно, встали часы.
Вот и «Утро в бору» задержалось.

---

* Сувой — обычно вещи, увязанные в большой платок, в бытности ещё и заложённые в вязанную авоську, которые баба Груня вместе с новыми вязанными носками и ржаным хлебом поделённым на всю родню ещё связывала со старой потёртой сумкой и несла на перевес через плечо.

В сени выйти дока .
Нынче дух, аж зашлось, осязаем.
И отколь облака
на приступок крыльца напоззают?..

***

Впадает в небо узкая протока.
У августа глаза Ильи-пророка.
И плащ седой, спадающий с небес,
плывёт сквозь сад, кустам наперерез.

Через межу, предвидя неба твердь,
боясь крылом о край её задеть,
всё ниже пролетающие птицы.
А в грядах след от горней колесницы.

Скрещенье стрел и сполохи огней,
что вознеслись над гривами коней.
Всё видно здесь, от космоса до дна.
А выше — длань Господняя видна.

***

Ну, вот и осень. Жалость или шалость?..
Легко иду по линии судьбы.
Ладошка клёна под ногами сжалась
среди листвы и давленных рябин.

Светлеют стяги и сереют блики.
Без астр весёлых гол мой огород.
Лишь брызги флоксов, флоксы не поникли
в толпе листвы, охочей до свобод.

А на востоке розовеет пламя.
Седые перья, трепет высоты...
Ладонка клёна сжалась под ногами,
как будто враг шагнул из пустоты.

Я не хочу! Я всё в себе забуду,
как обмерла однажды на юру...
Ладонку клёна, как живое чудо,
я из-под ног досужих подберу.

Кто предан был и бит за обаянье,
забытый всеми, брошен был под лёд,
горя внутри невидимым сияньем,
простой порыв отчаянья поймёт...

Как у судьбы есть доля и недоля,
а жизнь полна сюрпризов и щедрот
И озорна уж тем, что на заборе
среди листвы рыжеет рыжий кот...

Я не Господь, не чудо, не икона.
Я слабый человек в большом лесу.
Но хоть листок простой — ладонку клёна —
от холодов нахлынувших спасу.

***

Я сама — пиковая дама.
Ну а ты — пиковый валет.
С дрона полная панорама —
угол голый, как пистолет.

Это угол нашего рынка,
свалка мусорная в кустах.
Мы — как разные половинки,
потому что любовь пуста.

Мы ругаться с тобой не стали.
Было не о чем. Ни о чём.
Эта дверь, позади, из стали,
как крыло за твоим плечом.

Будешь счастлив, сыт и доволен.
И забудешь дуру — меня.
Не заплачь от фантомной боли,
вдруг поняв, кого потерял.

Ты учёный. Я не учёная.
У меня река за спиной.
Может быть, это речка чёрная,
чёрный ворон над головой.

Мы две птицы: чайка да ворон.
Ворон мудрый. А чайка — нет.
А любовь — это горстка вздора,
угол чёрный, как пистолет.

***

Облако вдруг за яблоню зацепилось.
Сирое, треплется, мается в декабре.
В небо стремится, мажет его белилом,
сыпется манкой, рождая чистейший бред.

И, засыпая собою всякие неурожаи,
вдруг воздвигает новой зимы плоды.
Словно себя же заново сооружая,
лепит послушных снеговиков ряды.

Целую армию, вышедшую Китаем,
в шлемах и валенках, чтоб не замёрзнуть тут.
Через кусты, разведчиков засылая,
смотрит на окна, готова разящий лук.

Ближе, у бочки, белые самураи
тихо застыли, до приказа — вперёд.
Но харакири — резвый порыв ножами —
ветер подол кимоно малин задерёт.

***

Осень совершает переход
сентября мятущегося в небо,
где горизонтальной строчкой белой
тонко проявляется испод.

Человек — берёзовый листок
или грач — вот глаз его прожилки
прижимает скудные пожитки,
чтобы это тоже взять в полёт.

Чаще он пугливый однолюб.
У него всё в жизни на исходе.
Но по парку горделиво ходит,
собирая пищу в твёрдый клюв.

— Ласточка, любовница моя,
кружит осень сердце человека.
Суп грибной сварите для меня,
чтобы вспоминать нам время это.

И обратно — взгляды на окно.
Мир осенний там перевернулся.
Озера оранжевое блюдо,
пролито янтарное вино...

Так, тихонько ноги оторвав
и взмахнув, как дирижёр, руками,
человек от ветки отлетает,
не имея на полёты прав.

Тебя всю выели, до света.
На лоб поставили печать.
Что видела ты в жизни этой?
Клок шерсти с барского плеча,
позор, предательство любимых,
ребёнка в люльке на краю
той пропасти, что тьмою дышит,
а изрекает: «Я люблю», —
слепую боль да бесприютность...
Тобою вознесённый князь,
на трон взоидя, не глядя, плюнул
в тебя, как в городскую грязь.
Подумали, что ты из стали,
когда ты поднялась со дна,
не видя, как все хохотали,
не понимая, что одна,
ты, запечатанная в бочку,
плыла сквозь сон и сизый дым:
«Богоуродица, коль с дочкой,
у Богородицы был сын!..»
И каждый норовил обглодком
в тебя, несчастную, пульнуть,
наречь ребёнка недоноском,
подмять, отгородить твой путь
и выставить нагой прилюдно.
Но расцветало естество —
клеймо юродства и безумства —
в твою мечту и волшебство.
Не видела ты те полсвета,
где голая между людьми...
Ты мысленно была одета
от ощущения любви.

Я не женщина. Я — война
Меж Россией и Украиной.
Не народы, а я одна
В смерти жертв несчастных повинна.
И на мне сепаратный стяг,
Вся беда Луганска, Донбасса.
Где сквозь бездны огня летят
В камуфляжах моих ребята.
Я плохая, страшная мать,
Породившая боль России.
Амнезия моя стократ
Память чувства любви отринет.
Никогда не была я права,
Хоть сама я не убивала.
Имя дочери — и той взяла
Из ипатьевского подвала.
И забыла всё о себе.
Лишь клочки этой тьмы крошечной
Вижу я в тебе и в себе.
И не гибну — затем, что вечна.
Я пронзённая злой иглой,
Топором, косою... выживаю.
Потому все меня войной,
Вслед плюя, со зла, называют.
И на дочери моей клеймо,
На ногах пудовые гири.
Вот и тянем мы с ней ярмо
Сквозь униженную Россию.
Украина болит во мне.
Я всем сердцем её принимаю.
И не ведаю божий стыд
У закрытых преддверий рая.
Я не женщина. Я — война,
Вся усеянная телами.
В небе птица моя черна,

Солнце скрыто её крылами.
Снегом, настом дочка идёт
Мне навстречу, через обиду.
И горит бесконечный счёт
Над её отрешённым видом.
Слышишь, мать, сестра, вдова,
Я на шее несу свой камень.
Позабыла я все слова,
Извергая Горловкой пламя.
И, хоть высверли весь эфир,
я иду землёй обожжённой.
И клокочет во мне весь мир,
Из глубинных причин рождённый.